

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как выбраться из чащи, если леший путает тропы? Как понять, что в доме завелась кикимора? Почему не стоит ходить в поле в полдень, а в баню — после полуночи? Кто по ночам заплетает лошадям гриву в косы? Березиня, богинка, вила, русалка и мавка: кого стоит опасаться, а в кого можно влюбиться? Как стать волколаком? Почему не стоит будить лихо?

Говоря о славянской мифологии, исследователи часто любят предупреждать о том, что научный мир обладает очень малым количеством данных о верованиях древних славян. Что приходится делать выводы, основываясь не на письменных источниках, как в мифологиях других народов, а на основе устного народного творчества. Что часть известных ныне богов могут быть искусственно воссозданы гораздо позже, в результате ошибок или заблуждений исследователей прошлых столетий.

При знакомстве со славянской мифологией перед читателем всегда стоит выбор. Можно относиться ко всему с недоверием, настороженно искать логические объяснения возникновению тех или иных поверий. Подтверждать свои догадки о том, что боги, мифические существа и нечисть — это лишь олицетворения явлений природы, которым поклонялись славяне, утоляя свой страх неизвестности.

А можно просто поверить. Можно представить себя на месте тех древних славян. Их наивными, открытыми к миру глазами взглянуть на очевидные вещи и явления. И на время прочтения «Славянского bestiария» погрузиться с головой в старый нетронутый мир поверий, страшных быличек и старинных сказок.

Окунуться во времена, когда мир вокруг не был таким покоренным и понятным. Когда реки были дорогами, на тысячи верст простирались дремучие леса, полные диких зверей, а топкие непроходимые болота отделяли одно селение от другого. Когда природа и ее тайны властвовали над землями славян. Когда знания передавались лишь сказаниями и наставлениями старших поколений, а люди верили в силу ритуалов, обрядов и следовали обычаям, чтоб жить в ладу с миром духов и богов.

В те времена славяне верили, что гром грохочет от того, что Перун метает на землю свои громовые стрелы. Солнце восходит, потому что Заря-Заряница выводит белоснежных коней бога солнца на небо. Хлеб на полях зреет, потому что плодородная Матушка Сыра Земля кормит своих детей. Что дожди проливаются на землю по воле Дивы-Додолы. Ветра, что веют над полями и несут ладьи по рекам, находятся во власти Стрибога. Морозы скывают реки льдом, снег скрипит под ногами, а деревья трещат от холода из-за сурового духа стужи Морозко. А чтоб призвать весну, непременно нужно сжечь чучело Морены, олицетворяющей зиму и смерть.

Тогда удача и счастье в жизни зависели от доброй или злой доли, выпавшей человеку. Болезни и хвори насылали сестры лихорадки, коварные злые духи, которые рыщут по свету. На Купало было принято умываться росой и прыгать через костры, чтоб очиститься от всякой порчи и хвори. А прежде чем ехать на чужбину, непременно нужно было захватить горсть родной земли.

Первую рыбу из первого в году улова рыбаки возвращали реке как дань или жертву водяному, чтоб тот не топил лодки и не путал сети. Если вблизи лесов терялся скот или путник

долго блуждал в чаще, в том всегда винили лешего. Погибшие до свадьбы девушки, утопленницы или некрещеные дети по поверьям превращались в мавок или русалок. На колядки нужно было раздавать угощения, чтоб уважить духов предков, и наряжаться в зверей или нечисть, чтоб защититься от злых нечистых духов.

Люди опасались ходить в глухие дремучие леса, ведь там в пещере на человеческих костях могло дремать кровожадное Лихо одноглазое. Но и в деревнях могла поджидать опасность. Если разгневать банника, тот мог стучать, пугать, обжигать кипятком, затащить под горячую каменку, затолкать в бочку или вовсе запарить до смерти. Человеку, который приглянулся домовому, дедушка завивал волосы и бороды в косы, а того, кто пришелся ему не по нраву, он щипал до синяков или вовсе мог задавить во сне. Некрещеного или рожденного вне брака ребенка могла похитить нечистая сила, взамен оставив полено, солому или своего уродливого подменьша.

Нельзя было оставаться в поле в полдень на солнцепеке, ведь если не уйти на отдых, может явиться полудница, высокая дева с длинными косами, будет загадывать загадки, ударит по голове или защекочет до смерти. Ночью на болоте нельзя ходить на огни и откликаться на крики да плачь иначе хозяин болота в трясину затащит. Нельзя было спать на меже в поле, ведь считалось, что полевик или луговик навалится на грудь, задавит, задушит или нашьлет лихорадку.

Если у коровы пропадает молоко, подозрение всегда падает на деревенскую ведьму. Если по ночам в избе что-то воет, скулит, вздыхает, топает, а оставленная без присмотра пряжа путается и рвется, значит в доме завелась кикимора или суседка. Если у пловца вдруг случается судорога, это значит, что водяной анчутка его за ногу схватил и на дно тащит. Если мертвого человека находят обескровленным, значит постарался упырь.

Если в семье рождается седьмой по счету сын, он будет колдуном. А если колдун перекувырнется через пень или воткнутый в землю нож, то он может обрести силу зверя и стать волколаком.

«Славянский bestiарий» — это сборник удивительных, пугающих и чарующих представителей славянской мифологии и поверий, связанных с ними. Суровые, но милосердные боги, удивительные мифические существа и ужасающая, кровожадная нечисть. Все это и многое другое можно найти на страницах этой книги.

ДАЖДЬБОГ

Даждьбог, Дажьбог — один из главных богов в восточнославянской мифологии, бог плодородия и солнечного света, предок князей и вообще русских людей. Даждьбог упоминается в наиболее ранних памятниках древнерусской письменной культуры, таких как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве».

Имя Дажьбога сохранилось и в нескольких поздних песнях. В одной из них, записанной на Украине, соловушку спрашивают, почему он так рано прилетел из теплых стран. Соловушка отвечает, что не сам он прилетел, а его выпустил из своей правой руки сам Дажьбог и послал замыкать зиму и отмыкать лето. В другой украинской песне жених, отправляющийся на восходе солнца на свадьбу, встречает Дажьбога у трех дорог и просит его покровительства.

Даждьбог сочетал в себе две основных функции: в природе он был подателем света, тепла и плодородия, а в обществе — источником княжеской и царской власти.

Дажьбог в перечнях имен богов обычно упоминается вместе со Стрибогом. Имя его означает буквально Дай-бог, т. е. «податель благ». Потому Дажьбога иногда осмысливают как часть обычной для индоевропейской мифологической системы пары бога-подателя и бога-рассеивателя, распространителя, распорядителя богатства.

Даждьбог был первым царем славян, а князья, в том числе и русские, — это потомки («внуки») Дажьбога. «Дажьбожьи внуки» — такую метафору использовал автор «Слова о полку Игореве» в отношении русичей для выделения их родственной общности и необходимости прекратить распри и сплотиться перед угрозой внешних врагов.

Согласно «Повести временных лет», идол Дажьбога вместе с идолами Перуна, Хорса, Стрибога, Симаргла и Мокоши стоял на холме в Киеве во времена князя Владимира.

Дажьбог упоминается третьим в списке божеств (после Перуна и Хорса), идолы в честь которых были там установлены. Имя Дажьбога в этом списке упоминается вместе с именем Хорса и не отделяется от него союзом, в отличие от других имен — это может свидетельствовать о сходных функциях божества либо вообще о разных именах одного солнечного бога.

Существует теория, согласно которой Дажьбог не был самостоятельным божеством, а являлся олицетворением культа солнца и частью солнечного цикла.

Славяне верили, что жизненный цикл солнца на протяжении года делится на четыре периода, четыре разные ипостаси. Четыре солнечных бога — это не просто времена года, но и этапы жизни солнца и природы. Хорс — рождение, начало пути. Ярило — юность, страсть и буйство. Дажьбог — зрелость, расцвет и сила. Сварог — мудрость, уход и подготовка к новому началу.

Хорс — дитя света, рождённое во тьме. Он пробуждается в декабре в день зимнего солнцесостояния. Считалось, что он проходит через подземный мир, набираясь ума и сил. По мере того, как световой день прибавляется, растёт и Хорс. В день весеннего равноденствия Хорс сбрасывает младенческую оболочку и превращается в Ярило.

Ярило — неукротимая весна, бог весеннего буйства, страсти, молодости и цветения. Он — юный всадник на белом коне, разгоняющий снег, пробуждающий землю после зимы и дарящий жизнь всему живому. Солнце крепчает, и в день летнего солнцестояния он становится Дажьбогом.

Даждьбог — покровитель плодородия, процветания и богатства. В его власти обильные урожаи и самые жаркие солнечные дни. Однако с приближением осени дни становятся короче, солнце слабеет, и в день осеннего равноденствия Даждьбога сменяет Сварог.

Сварог — мудрый старец-кузнец, он не просто солнце, а мастер, выковавший мир. Осень — его время, как пора увядания всего живого, угасания светила и завершения очередного цикла жизни. Но Солнце не исчезает навсегда — оно просто готовится к новому рождению.

МОКОШЬ

Мокошь (Макошь) — женское божество в восточнославянской мифологии, покровительница женского начала, плодородия, брака, родов, домашнего очага. Мокошь сближают с рядом женских персонажей живых фольклорно-этнографических славянских традиций, обладающих сходными именами: Мара, Морена, Маркита, Макрина и т. п.

Культ Мокоши был, возможно, схож с культом Велеса и весьма распространен на Руси. Согласно этнографическим данным, аналогичные ей персонажи представлялись в виде женщины с распущенными волосами, большой головой, длинными руками. Она покровительствует специфическим женским работам, преимущественно прядению, ткачеству, домашним делам.

В традиционной модели мира Мокошь связана со всем нижним, левым, темным, влажным, с дождем, ночью, половой жизнью и плодородием. Имела связь с рожаницами, суденицами, Долей и Недолей (они считались ее помощницами).

Мокошь, как богиня плодородия, мать урожаев, имела 12 годовых праздников, изображалась с рогами. Характерный женский рогатый головной убор носили еще в XIX веке на народных праздниках.

Память о Мокоши на Украине и на севере России хранилась до XIX века. В жертву ей приносилась пряжа, выбрасывавшаяся в колодец (ритуал назывался «мокрида»).

Мокошь была едва ли не центральной фигурой народного культа дохристианской Руси, в отличие от «дружинного» культа Перуна. Идол Мокоши располагался в центре поселковых языческих святилищ с меньшими женскими идолами (рожаницами, суденицами, Долей, Недолей).

Мокошь — единственная богиня древнерусского пантеона, чей идол стоял в Киеве на вершине холма рядом со статуями Перуна и прочих божеств. Сопоставлялась с богиней плодородия скифов-землепашцев и женским божеством трипольской культуры.

Мокошь упомянута в русских летописях и многочисленных поучениях против язычества. «Поучение духовным детям» в XVI веке предостерегает: «Уклоняйся перед Богом невидимых: людей, молящихся Роду и рожаницам, Перуну, и Аполлону, и Мокоши, и Перегине, и ко всяким богам мерзким требам не приближайся».

Мокошь — единственное божество пантеона князя Владимира, чей культ реально существовал в русской народной культуре еще в течение веков после принятия христианства. Ее образ, пусть и в измененном виде, сохраняется в современной северорусской мифологии. В старину на Руси Мокоши поклонялись на тайных женских собраниях, которые вели посвященные жрицы. Об этом рассказывает рукопись XIV века: «...Мокоши не явно молятся, да ... призывая идоломолиц баб, то же творят не токмо худые люди, но и богатых мужей жены».

Дольше всего воспоминания о Мокоши сохранялись на Русском Севере. Слово «мокоша» в ярославских говорах обозначает привидение, а словами «мокош», «мокуш» в некоторых современных говорах называют нечистую силу.

Считалось, что богиня наказывает тех, кто работает в пятницу (священный день Мокоши). В мифе Мокошь приходит к пряже, которая работает в пятницу. Однако девушка вовремя

догадывается, что перед ней Мокошь. Когда богиня дает задание напрясть сорок веретен до рассвета, девушка берет моток ниток и наматывает их на веретена. Вернувшись, Мокошь удивляется находчивости девушки и разламывает веретена, показывая, что бы случилось с пряжей, если бы она не справилась с заданием.

Многие черты Мокоши вобрал в себя образ всенародно почитавшейся святой Параскевы (Параскева по-гречески — «пятница»). В город Псков в 1540 году привезли новое изображение Параскевы Пятницы, но не икону, а деревянную резную скульптуру. Увидев ее, народ пришел в «великое смятение», поскольку счел это за призыв к «болванному поклонению». Митрополит вынужден был успокоить людей специальным разъяснением.

Статуи св. Параскевы (Прасковьи) ставились у колодцев и водоемов (несмотря на то, что в православной традиции не принято делать скульптурные изображения святых). Со дня 28 октября, посвященного св. Параскеве, женщины начинали мять лен (Мокошь была связана как с водой, так и с прядением).

Церковь, разумеется, негативно относилась к смешению христианских и языческих обрядов, так, в «Стоглаве» все суеверия, касающиеся пятницы, назывались «богомерзкими».

В дохристианской восточнославянской мифологии Мокошь также связывают с образом Матери-Земли. Мать Сыра-Земля — олицетворение земли в славянской мифологии. Землю славяне почитали во все времена, плодородие земли, ее способность

рожать хлеб и кормить людей делали ее в глазах человека всеобщей матерью. В поговорках и благих пожеланиях землю называют святой и считают ее символом богатства: «Будь богат, как земля святая!»

Почтительное отношение к Матери-Земле породило множество строгих запретов и предписаний, нарушение которых грозило возмущением оскорбленной стихии и наказанием всей общины неурожаем, голодом, смертью. Все эти строгости обусловлены представлением о том, что земля, как и женщина, в определенные периоды оплодотворяется, беременеет и разрешается от бремени урожаем. Например, до праздника Благовещенья нельзя было копать, рыть, вообще трогать землю, вбивать в нее колья, разбивать колотушками комья и глыбы земли, потому что в этот период земля беременна и, если потревожить ее, она не сможет уродить хлеб.

С культом Матери-Земли связан древний обычай брать с собой родную землю, отправляясь в путь, уходя надолго из дома (например на заработки) или переселяясь в другие места. При этом горсточку земли выгребали из-под печи, другую — из-под столба, на котором держатся ворота, а третью брали с перекрестка дорог. Во время закладки дома на новом месте горсть родной земли высыпали под фундамент, полагая, что она защитит от напастей и поможет семье на чужой стороне. Приезжая на чужбину, высыпали себе под ноги родную землю и, наступая на нее, говорили: «По своей земле хожу». Если же человек умирал на чужбине, хранимую им землю с родины сыпали в могилу, чтобы он лежал «в своей земле».

ВИЛЫ

Вилы — в южнославянской мифологии женские духи. Вилы представляются юными, прекрасными, бледнолицыми девами, в тонких белых одеждах и с длинными распущенными косами, в этих косах — их сила и даже самая жизнь, тело у них нежное, прозрачное, легкое, как у птицы, очи блистают подобно молнии, голос — приятный, сладкозвучный. Но беда человеку, который прельстится вилою! Ему опостылит весь мир и жизнь будет не в радость.

Ноги у них козьи, лошадиные или ослиные. Вилы закрывают их длинной белой одеждой. К людям, особенно к мужчинам, они относятся дружелюбно, помогают обиженным и сиротам. Если разгневать вил, они могут жестоко наказать, даже убить одним взглядом. Они могут лечить, предсказывать смерть, но и сами они не бессмертны.

Вилы могли летать как птицы, обитали в горах. Они владели колodцами и озерами, обладали способностями «запирать» воды.

Если отнять у них крылья, они теряют способность летать и становятся простыми женщинами. Этим нередко пользовались молодые мужчины. Они отбирали у вил крылья, а затем брали в жены. Но такой брак никогда не заканчивался удачно. Рано или поздно вила обманом и хитростью выманивала свои крылья обратно и улетала. Дети, рожденные в таком браке, часто оставались брошенными на отца. Но иногда вила-мать могла забрать ребенка с собой.

Вилы — одно из прозваний облачных дев, вила (само название от слова «вить») прядет облачные кудели и тянет из них золотые нити молнии.

Вилы изображаются и вещими пряхами, прядущими нить жизни. Их называют также лихопlesi (т. е. плетущие лихо — жизненные беды и смерть).

О суеверном почитании вил упоминается в старинных рукописях: «Веруют в Перуна и в Хорса... и в вилы, их же числом тридевят сестрениц глаголют невгласи и мнять богинями, и тако покладывахуть имъ теребы».

Вила родственна светлым духам, и потому ее имя сопровождается постоянным эпитетом «белая». Наравне с русалками, вилы обитают на горных вершинах, в лесах и воде, и потому разделяются на горных, лесных и водяных. Вила роднится с лебедиными девами, которые постоянно купаются в озерах и источниках.

Вилы упоминаются в сказании о Заре-Зарянице и Хорсе. Там прекрасные девы, сбросив белоснежные крылья на берегу, плескались в воде. Белое, как лебяжье крыло, тело, сквозь кожу просвечиваются жилы, по которым скатным жемчугом струится кровь. Бог Хорс влюбился в одну из вил и решил выкрасть ее платье и оперение. Как накупались, все подружки оперились и улетели, только одна осталась, не сумев найти свое одеяние. Тогда она спросила: кто взял ее оперение? И, согласно давнему обычаю сватовства, пообещала, что если то старик белобородый — будет ей отцом, коли девица — сестрою, а коли добрый молодец — то быть ему суженым. Тогда вышел Хорс радостный и вернул ей оперение.

Культ вил и их связь с колodцами известны по болгарским источникам с XIII века. На территориях, близких к немецким землям, вилы описываются уже как умершие девушки, которые не могут упокоиться и способны причинить зло тем, кто их обидел при жизни.

В болгарской народной поэзии встречается упоминание о юдах — водяных вилах, отличающихся враждебным отношением к людям.

ЛЕСАВКИ

Лесавки — лесные духи, родственники лесовика, старики и старушки. Видом своим они похожи на ежат. Так же, как и лесовик, любят проказить и играть. Сбивают с дороги, путают тропы, сыплют на голову труху и обматывают паутиной, но смертельного вреда для людей не представляют. Одеваются в одежды изо мха и лишайники, поэтому их сложно заметить в лесу. А иногда могут принимать вид причудливых веток и коряжек.

Большую часть времени лесавки спят — бодрствуют они очень короткий период времени: с конца лета до середины осени. У олончан в их густых и непчатых лесах живут «лесные старики», или «отцы», которые сманивают в лес детей, но с какой целью держат их там и чем кормят — самые сведущие люди сказать не могут.

«Старички и старушки — Лесавки в прошлогодних листьях сидят, схватятся за руки, скачут по лесу, свистят на весь лес, без головы, без хвоста, скачут, вот как свистят».

(А.М. Ремизов. «К Морю-Океану»)

Однако в некоторых источниках лесавок описывают как очень высоких бледных и черноволосых девушек в белых рубашках, подвязанных осокой. Они бегают по глухим лесам напевая песни и подражая голосам птиц. Порой могут завести путника в непроходимую чащу и оставить одного на погибель.

Им, как и некоторым другим видам нечисти, приписывают кражу младенцев. У лесавок три груди с отравленным молоком. Они забирают ребенка ночью из люльки и закармливают до смерти.

По некоторым поверьям, если младенец оказался некрещеной девочкой, лесавки уносят ее на болото и растят как лесавку. Обычно для защиты от них ведающая мать клала в люльку ребенка нож или ножницы в раскрытом виде. В славянской мифологии, помимо общекультурных леших или лешачих, выделяют множество других локальных видов лесной нечисти.

Лесные духи — первоначально их представляли в следующем виде: косматые существа с козлиными ногами, бородой и рогами, напоминающие собой сатиров и фавнов античного мира. Если они одеты, то в бараньи тулупы, тулупы эти не подпоясаны и свободно развеваются по ветру, как облачная мантия дикого охотника. Позднее получили имена собственные.

Лесовички — это заблудившиеся девочки или брошенные родителями дети. Лешему достаточно услышать слова, обращенные к ребенку «Черт бы тебя побрал!» чтоб забрать в свои владения. Дети со временем забывают человеческую речь, зеленеют, повадками становятся похожими на лешего и медленно превращаются из человека в нечистую силу. Спасти от такой участи лесовичку можно, если ее в жены возьмет человек. Тогда лес ее отпустит.

Также к лесным духам можно отнести известных на северо-западе Беларуси демониц — зазавок. Они в сохранившихся рассказах в облике прекрасных юных дев с длинными волосами, заменяющими одеяние, заманивают мужчин в лесную чащу.

О зазавке рассказывают следующее. Жил близь одного села в лесу дух, имевший вид красивой женщины. Местные называли ее зазавкой. Этого лесного духа надо было опасаться парням, ведь зазавка очень любила развлекаться с ними, но после ее игр обратно мало кто возвращался.

Все в том селе знали — нельзя мужикам в лес ходить. А лес, который находился возле деревни, был большой-большой. Чтобы пойти туда, нужно было перейти поле.

В середине поля протекала река. А через реку была переброшена кладка. Как только войдет мужчина в поле, слышится пение молодой девушки, да такое красивое, что, как во сне, идет парень по полю, перепрыгивает кладку и летит в заветный лес, а там его уже встречает красавица. Светлая, длинноволосая. Волосы такие длинные, что одежда ей не нужна была. Парень бежит за ней, а она прячется. Опять появится, потом опять спрячется. Как только Зазовка приведет его на поляну посреди леса, убирает волосы и встает перед парнем полностью голая. Парень падает на поляну, и она его любит до самой смерти.

Много мужчин так сгинуло без следа. А те, что возвращались, все одно не могли в деревне с местными девушками оставаться, снова в лес бежали и потом тоже не возвращались. Так в том большом селе только несколько ребят осталось. Живут в этих домах одни бабушки. Всех мужиков, говорят, Зазовка забрала.

МАВКИ

Мавки (навки) — славянские мифические существа, имеют сходство с русалками. Разные славянские народы называли их по-своему: у украинцев — мавки, майки, нейки; у болгар — навьяки или навьи; у словинцев — мавье, навье, мовье.

Слово «мавка» (навка) образовано от общеславянского «навь», означавшего, по-видимому, «смерть», «мертвое тело». Мавками становятся малолетние дети, умершие без крещения или задушенные матерями, мертворожденные. Также мавкой может стать ребенок, умерший на Русальной неделе. Считается, что таких детей забирают русалки, уносят их к себе в воды, где превращают их в мавок.

В Малороссии рассказывают, что они ежегодно приходят на землю в то время, когда хлеб начинает колоситься и может служить им надежным убежищем. Называют их и гречухами — от гречи, в которой они любят прятаться. Мавки стараются мстить живым людям за то, что допустили их умереть некрещеными и лишили небесного царства.

В летнее время они плавают в ночные часы на поверхности рек, источников и озер и плещутся водою, а на Русальную неделю бегают по полям и нивам с печальным возгласом: «Мене маты породыла, нехрещену схороныла!» У гуцулов майки — прекрасны, стройны и резвы, носят тонкие, прозрачные платья и убирают свои длинные, распущенные по плечам косы весенними цветами. Они заботятся о благосостоянии полей и стад и, как только растают снега, — являются в горы и долины, засевают травы и даруют урожай. Они воруют по ночам лен, прядут кудели, ткут и белят полотна, вяжут венки.

Так же, как и русалки, часто увлекают к себе мужчин и убивают их. Часто просят путников дать им гребешок. Если гребешок получают, то расчесываются и уходят, иначе могут погубить. Мавки, как и русалки, обожали путать рыбацкие сети, переворачивать лодки и даже портить жернова у мельниц. Щекотка — излюбленная забава лесных и водяных духов. За это у южных и юго-западных славян водную нечисть порой называли «лоскотухами» от слова «лоскочущая». Лоскочут (щекочут) встречных мужчин и женщин не все русалки, а только молодые. Русалки постарше ведут себя солиднее.

По одному симбирскому преданию, молодая вдова Марина, утопившись из любви к Ивану Курчавому и сделавшись русалкою, только охала и вздыхала, смотрела на дом своего милого, а на встречных рыбаков и не глядела, только пугала их.

По некоторым представлениям, мавки летают по воздуху в виде больших черных птиц с большими клювом и когтями, которыми они задирают людей до смерти.

Особенностью внешнего вида мавок является отсутствие кожи на спине, в результате чего сзади у них можно увидеть все внутренности. По этой причине их также называют «не имеющие спины». Мавки не отбрасывают теней, при ходьбе не оставляют следов. А там, где они танцуют, трава растет лучше и гуще.

Если на них брызнуть водой и сказать «Крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа», они обращаются в ангелов и оказывают своему благодетелю большие услуги. Это может произойти только в течение семи лет после того, как ребенок превратился в мавку. Если же в течение семи лет мавку никто не покрестит, то она навсегда останется мавкой.

Защитой от мавок по народным поверьям служит чеснок, хрен и полынь. А также, чтобы уберечься от них в наиболее опасные недели до и после Троицы, люди старались не ходить в одиночку в лес, к воде или в засеянное рожью поле, особенно после захода солнца. Сохранилось множество народных быличек, повествующих о встречах с мавками, русалками и водяницами.

Как-то возвращался мужик из волости в свою деревню. Путь неблизкий был, 15 верст, а дорога извилистая, то по лесу ведет, то вдоль реки. Не доходя трех верст до деревни, услышал он плач. Обернулся — позади него стояла девчужка лет 14, роста маленького, простоволосая, босая и горько плакала.

Мужик сразу неладное почуял. Откуда такая взялась? По дороге никто его не догонял, и никто навстречу не шел. Вспомнил он, что тут рядом озерко небольшое есть. Значит, из него она выбралась. Испугался мужик. Бежать не мог, хромой был, одна нога короче другой. Поковылял он так расторопно, как мог, а девчонка за ним. Ближко не подходит, но и не отстаёт, ничего не говорит и всё плачет.

Мужик быстрее шагает, молитвы про себя читает, уж взмок весь, а водяница за ним бегом. Думал, свалится без сил прямиком в лапы водяному чудищу. Да только услышал вдалеке голоса мужиков на переправе.

Сил прибавилось. Он побежал напрямик, сходя с дороги. Преодолевал болото, овражек, перебежал мелкую речушку и на холм взобрался. Только тогда оглянулся. Водяница на другом берегу осталась. Стоит, смотрит жалостно, плачет, видать, досадно ей, что не удалось душу христианскую загубить. Мужик к переправе пошел, а водяница назад к озеру, да так и скрылась с глаз. Мужики на пароме сказывали — хорошо, что он с ней не заговорил. Если бы стал расспрашивать, она бы заморочила, задурманила, и лежал бы мужик сейчас на дне озера в гостях у самого водяного.

